

**СОЦИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ
ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ НА ПРИМЕРЕ МОГИЛЬНИКОВ У с. КИЧИГИНО
(ЧЕЛЯБИНСКАЯ ОБЛАСТЬ)****Наталья Александровна Берсенева**Институт истории и археологии УрО РАН, Южно-Уральский государственный университет
Челябинск, Россия. E-mail: bersnatasha@mail.ru**Александр Дмитриевич Таиров**

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

Аннотация. Целью исследования является выявление и анализ обрядовых групп населения, чьи останки были упокоены в курганах у села Кичигино (Южное Зауралье, Челябинская область). Всего в двух могильниках обнаружены останки как минимум 29 индивидов. Хронологически захоронения в погребальных комплексах производились в течение всей эпохи раннего железа, с раннесакского до позднесарматского периодов (середина VII в. до н.э. – II–IV вв. н.э.). В Кичигинских некрополях представлены различные социальные и возрастные категории, отражены социальные роли некоторых умерших. В раннесакский период сооружены два кургана, где в основных погребениях были захоронены два человека. Самые поздние (позднесарматские) захоронения являлись впускными в насыпи уже стоявших курганов. К этому периоду также относятся два погребения. Савроматским временем датируются восемь могильных ям, где было захоронено минимум 14 человек. Погребения раннесарматского периода представлены восемью могильными ямами. Всего было захоронено не менее 11 индивидов. В результате анализа выявлено, что возрастные группы лучше всего представлены в захоронениях савроматского периода, а социальные роли – в раннесарматских погребениях. Раннесарматские женские погребения с крупными колчанными наборами из кургана 3 Кичигино I, которые, вкупе с другими подобными погребениями Южного Урала, позволяют поставить вопрос об участии некоторых женщин в боевых действиях. Малое количество детских захоронений, возможно, свидетельствует о наличии альтернативного погребального обряда для незрелых, а также, вероятно, об их низкой социальной позиции.

Ключевые слова: Южное Зауралье, ранние кочевники, могильники у с. Кичигино, социальная структура

Цитирование. Берсенева Н.А., Таиров А.Д., 2023. Социальный анализ погребальных комплексов ранних кочевников Южного Зауралья на примере могильников у с. Кичигино (Челябинская область) // Уфимский археологический вестник. Т. 23, № 1. С. 31–41. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2023.23.1.003>

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-20253, <https://rscf.ru/project/22-28-20253/>

UDC 903.5 (470.55)
LBC 63.48(2)Submitted: 02.02.2023
Accepted: 27.02.2023**SOCIAL ANALYSIS OF EARLY NOMADIC BURIAL GROUNDS IN THE SOUTHERN TRANS-URALS
(CASE STUDY FROM THE KICHIGINO SITES, CHELYABINSK REGION)****Natalia A. Berseneva**Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the RAS, South Ural State University
Chelyabinsk, Russia. E-mail: bersnatasha@mail.ru**Aleksandr D. Tairov**

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

Abstract. Kichigino 1 and 2 burial grounds are located in the south of the forest-steppe zone of the Southern Trans-Urals, on the left bank of the Yuzhnouralsk reservoir on the Uvelka River, near the village Kichigino (Southern Trans-Urals, Chelyabinsk region). The analysis covers seven kurgans with anthropologically identified remains. The purpose of the study is to identify and analyze the ritual groups of the nomads buried in the mounds. In total, the remains of at least 29 individuals are discovered in the burial grounds. Chronologically, the burials covered the entire Early Iron Age, from the Early Saka to the Late Sarmatian periods (mid-7th century BCE – 2nd–4th centuries CE). The Kichigino necropolis presents various social and age categories; grave items reflect social roles of some of the dead. Early Saka, as well as Late Sarmatian groups are represented by a few burials. They are rather small in number and did not stay long in the Southern Trans-Urals. The burials of the Sarmatian period, excluding individual children's graves, are disturbed but we may conclude that children were usually buried without grave items or with gender-neutral items (dishes, animal bones), while women were buried with jewelry and cultic objects. Men were buried with weapons and horse harnesses. In the Early

Sarmatian period, burials with weapons absolutely predominate among male burials. In the social sense a man was a warrior, and so he remained in the afterlife. Women's social roles are represented in greater numbers and can reflect the social roles of housewives and wives, as well as warriors and ritualists. Two Early Sarmatian female burials had large quiver sets. Along with other similar burials in the Southern Urals, they allow to assume that some women were involved in war actions. The small number of children's burials may indicate there was an alternative burial rite for sub-adults. It also is evident of their inferior social position. In general, age groups are best represented in the burials of the Sarmatian period, and social roles are best represented in the Early Sarmatian burials.

Keywords: Southern Trans-Urals, Early Nomads, Kichigino burial grounds, social structure

Citation. Berseneva N.A., Tairov A.D., 2023. Social Analysis of Early Nomadic Burial Grounds in the Southern Transurals (Case Study from the Kichigino Sites, Chelyabinsk Region). *Ufimskij arkheologicheskij vestnik* [Ufa Archaeological Herald]. Vol. 23, no. 1, pp. 31–41. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2023.23.1.003>

Acknowledgements. The work was carried out with financial support from the Russian Science Foundation (project No. 22-28-20253, <https://rscf.ru/project/22-28-20253/>).

Введение

Эпоха раннего железа на территории Южного Зауралья была временем больших перемен, массовых подвижек населения, сопровождавшихся взаимопроникновением культурных традиций. Развитие кочевого скотоводства, рост численности населения, торговля (обмен) на дальние расстояния, постоянная адаптация новых видов оружия и способов ведения военных действий – все это привело к росту социальной сложности обществ ранних кочевников. Археологически наиболее явственно эта сложность проявилась в погребальных памятниках.

С социальной точки зрения, ранний железный век на Южном Урале был периодом бурного развития, чему способствовали не только технологические новации, но и местоположение региона, веками или даже тысячелетиями являвшегося естественной контактной зоной, своеобразным коридором для этнических перемещений. Вместе с людьми перемещались, смешивались и создавались заново не только технологии и артефакты, но и социальные отношения и стереотипы. Социальные связи оказывали влияние на все стороны жизни человеческого коллектива, включая формирование материальной культуры.

Эпоха раннего железа Южного Урала достаточно хорошо изучена. Исследованы сотни памятников, постоянно повышается качество раскопок и применяемых методов датирования и анализа источника. Между тем, социальное устройство обществ ранних кочевников остается пробелом в наших знаниях, который необходимо заполнить. Актуальность работы обеспечивается накоплением качественных археологических источников (в данном случае – материалов могильников у с. Кичигино в Челябинской области), с одной стороны, и необходимостью комплексного изучения социальных отношений в древних обществах, с другой. Материалы курганов у с. Кичигино представляют собой исследованный на современном уровне археологический источник. Комплексы также явля-

ются редким примером совершения погребальных обрядов ранними кочевниками Южного Зауралья на одном и том же месте в течение столетий. Анализ погребений могильников Кичигино I и Кичигино II необходим для завершения их комплексного исследования и может служить одним из вариантов реконструкции социальных ролей и социальных групп в обществах ранних кочевников.

Источники

Могильник Кичигино I находился на крайнем юге лесостепной зоны Южного Зауралья, на левом берегу Южноуральского водохранилища на р. Увелька, в 1,5 км к западу от с. Кичигино Увельского района Челябинской области. Занимал площадку на вершине господствующей возвышенности (гора Тушканская) в излучине р. Увелька при впадении в нее р. Кабанка. Некрополь состоял из девяти курганов, расположенных нерегулярной цепочкой, вытянутой вдоль общей направленности склона возвышенности (с запада-северо-запада на восток-юго-восток). Диаметр их грунтовых насыпей составлял от 14 до 35 м при высоте 0,1–1,5 м. В 2006–2011 гг. в ходе охранных работ могильник был полностью исследован. Материалы частично опубликованы [Таиров, Боталов, Плешанов, 2008; Таиров, Боталов, 2010; Loyer et al., 2013; Таиров, 2015; 2020; Берсенева, 2020].

В 2008 году проводились археологические исследования могильника Кичигино II, расположенного в 2,8 км к западу-северо-западу от с. Кичигино. Памятник находился на вершине относительно невысокой (26 м от уреза воды) возвышенности, расположенной в западной части излучины р. Увелька, в 0,9 км к востоку от устья р. Кабанка. Могильник состоял из двух курганов с сильно снивелированными распашкой каменно-земляными насыпями, расположенными относительно друг друга по линии север-юг. Раскопан курган 1, занимавший вершину возвышенности. Всего в двух могильниках исследовано 10 курганов, включавших 23 могильные ямы.

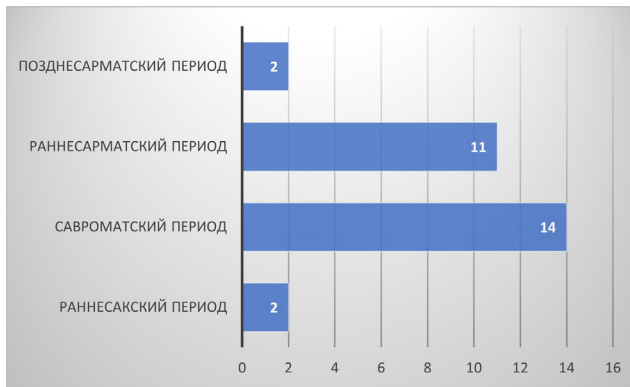

Рис. 1. Количество погребенных по хронологическим периодам

Fig. 1. Distribution of the buried according to chronological periods

В данной работе анализируются шесть курганов могильника Кичигино I и один курган из могильника Кичигино II, так как они содержали надежно атрибутируемые материальные свидетельства и человеческие останки. Мы попытались выявить и проанализировать обрядовые группы погребенных в могильниках у с. Кичигино в соответствии с хронологией возникновения захоронений и, по возможности, реконструировать отдельные элементы социальной структуры ранних кочевников Южного Зауралья.

Антропологические определения были выполнены Е.П. Китовым¹ и Ж. Лоайе [Loyer et al., 2013] для 29 скелетов или их частей. Некоторые погребения содержали останки плохой сохранности, что не позволило провести полноценный антропологический анализ. Всего, таким образом, в могильниках были обнаружены останки как минимум 29 индивидов.

С точки зрения хронологии, захоронения в погребальных комплексах производились в течение всей эпохи раннего железа, почти на протяжении 1000 лет, с раннесакского до позднесарматского периодов (рис. 1).

Площадка комплекса курганов у с. Кичигино начала осваиваться в **раннесакский период** (середина VII – середина VI вв. до н.э.). В это время были сооружены курган 5 могильника Кичигино I и курган 1 могильника Кичигино II. Сакские погребения являлись основными в обоих курганах. Курган 5 содержал непо потревоженное захоронение взрослого мужчины² (?) в крупной погребальной камере с дромосом и деревянным перекрытием. Умершего сопровождал богатый инвентарь, включавший предметы вооружения, утварь и украшения, выполненные в традициях скифо-си-

бирского звериного стиля [Таиров, Боталов, 2010. С. 67; Таиров, 2015].

Второе погребение этого периода (Кичигино II, курган 1) принадлежало женщине (40–50 лет) (рис. 2) и было сильно потревожено. Из инвентаря сохранились лишь бронзовое зеркало и керамическое пряслице.

Большинство захоронений в погребальных комплексах у с. Кичигино было совершено в савроматский и раннесарматский периоды (вторая половина VI – IV вв. до н.э.).

Савроматским временем датируются семь могильных ям в курганах 4, 5 и 6 могильника Кичигино I, где было захоронено минимум 13 человек, а также погребение 2 могильной ямы 1 могильника Кичигино II, всего, таким образом, 14 индивидов. В это время были сооружены курганы 4 и 6, причем, курган 4 содержал только погребения савроматского времени. Инвентарь представлен украшениями, предметами вооружения, конской упряжи, культа и быта, а также керамической посудой. Среди погребенных идентифицированы останки трех женщин, четырех мужчин и пятерых детей (рис. 2).

Женские погребения. Два захоронения были ограблены, поэтому их трудно назвать информативными (центральная погребальная конструкция и могильная яма 4 кургана 4). Женщина была одной из пяти погребенных в центральной погребальной конструкции кургана 4. Возраст умершей установить не удалось, но среди инвентаря обнаружено два бронзовых зеркала и каменный жертвенник, которые могли входить в состав ее погребального инвентаря [Loyer et al., 2013. С. 161].

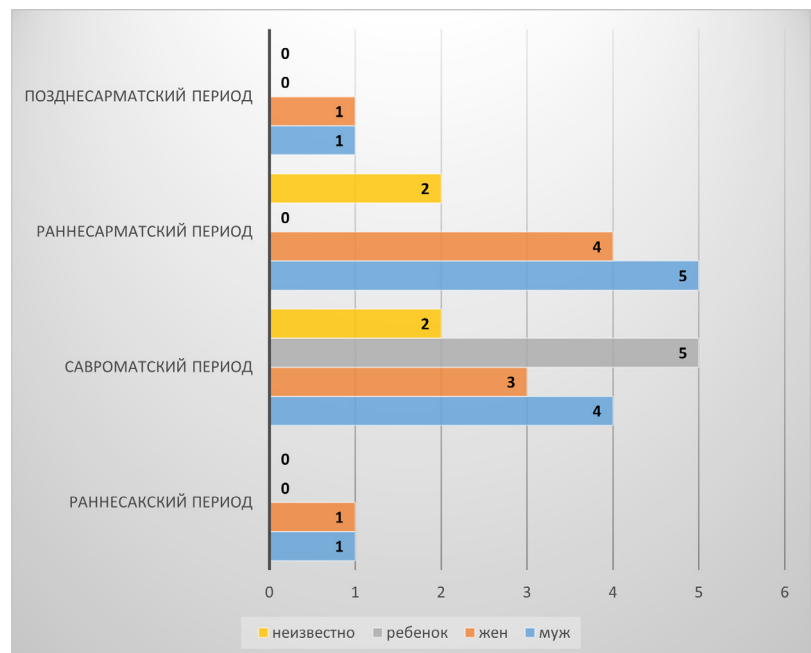

Рис. 2. Половозрастной состав погребенных по хронологическим периодам

Fig. 2. Age/gender distribution of the buried according to chronological periods

¹ Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

² Антропологический анализ оказался невозможным из-за очень плохой сохранности костей.

В могильной яме 4 обнаружено ограбленное женское захоронение (возраст 25–30 лет). Из инвентаря сохранились бусина и наконечник стрелы.

Частично потревоженным было погребение 2–3 могильной ямы 2 кургана 5 Кичигино I. Это впускное парное захоронение в курган раннесарматского времени. Оно, в свою очередь, было частично разрушено позднесарматским погребением. В могильной яме обнаружены скелеты женщины 35–45 лет и подростка, судя по инвентарю (узда, железный кинжал и колчан со стрелами), мужского пола. Умершую женщину сопровождало бронзовое зеркало, каменный жертвенник на четырех ножках, бусы и керамическое пряслице. В ногах погребенных, на дне ямы близ её восточной стенки, были расчищены развалы четырех сосудов и большое количество костей животных.

Все женские «савроматские» погребения так или иначе потревожены, но представляется, что их инвентарь вполне стандартен для этого периода – каменные жертвенники, зеркала, бусы и пряслица. Частым элементом являлась лепная посуда и кости мелкого рогатого скота.

Мужские погребения. В могильнике Кичигино I не сохранилось непотревоженных мужских погребений савроматского периода. Двое мужчин были захоронены в центральной погребальной камере кургана 4 вместе с женщиной, ребенком и еще одним индивидом (всего определены останки пяти погребенных). Захоронение сильно ограблено, принадлежность сохранившихся предметов не ясна. К мужскому инвентарю, тем не менее, можно отнести сохранившиеся наконечник стрелы и колчаный набор. К мужчинам по набору инвентаря можно предположительно отнести «подростка» из парного погребения 2–3 в могильной яме 2 кургана 5, захороненного с предметами вооружения и конской уздай.

В могильнике Кичигино II непотревоженное мужское погребение 2 могильной ямы I сопровождалось железным кинжалом, колчаном, в котором находилась костяная ложечка и 24 стрелы с бронзовыми наконечниками, керамическим сосудом, пряслицем, точильным камнем и кусками мяса барана.

Детские погребения савроматского времени выявлены в кургане 4 (могильные ямы 1, 3, 5 и центральная погребальная конструкция) и кургане 5 (могильная яма 3) некрополя Кичигино I. Погребения 1, 3, 5 находились на периферии кургана 4 и были индивидуальными захоронениями детей в неглубоких ямах. Возраст детей – от 2 до 6 лет, инвентарь представлен сосудом, встречены кости мелкого рогатого скота. Одно захоронение безынвентарное. Ребенок, идентифицированный среди останков из центральной погребальной конструкции кургана 4, умер в возрасте между 5 и 8

годами, инвентарь, который мог бы принадлежать ему, идентифицировать невозможно.

В могильной яме 3, впускной в северо-западную часть насыпи кургана 5, был погребен ребенок, умерший в возрасте до 4 лет. Инвентарь представлен железным ножом, лежащим среди костей мелкого рогатого скота.

Погребения *раннесарматского* периода (конец V – IV вв. до н.э.) представлены восемью могильными ямами в курганах 2, 3 и 6 могильника Кичигино I. Курган 3 некрополя Кичигино I содержал только раннесарматские погребения. Всего было захоронено не менее 11³ индивидов, девять из которых имеют определения пола и возраста.

Женские погребения (рис. 3). Антропологически идентифицировано три индивида и еще один, вероятно, может быть отнесен к женским по набору сопроводительного инвентаря. Все погребения индивидуальные, два индивида были захоронены в подбоях, один – в простой яме и один – в катакомбе. Представлены возрастные категории от 25 до 45–55 лет.

Погребенная в кургане 2 (Кичигино I, погребение 7) молодая женщина возрастом 25–35 лет захоронена в сопровождении двух сосудов, ритуально (?) разбитого бронзового зеркала, керамического пряслица и украшений. Последние представлены серебряными браслетами и височными подвесками; на шее умершей находилось ожерелье из 17 крупных бусин из стекла, агата, сердолика и кости.

Погребение 2 в могильной яме 3 кургана 3 Кичигино I принадлежало женщине 30–40 лет (рис. 3, 1, 2). При его устройстве было повреждено более раннее мужское захоронение (погребение 1). Еще не разложившееся тело мужчины было сложено пополам и оставлено на ступеньке при рытье более глубокой ямы для умершей женщины. Погребенную сопровождало значительное количество инвентаря. На шею была надета гривна из медной проволоки, обернутой серебряным листом, вторая гривна, обернутая золотым листом, располагалась на коленях. На эту гривну были надеты две золотые височные подвески в полтора оборота. В головах умершей найдены железный ножичек, бронзовый наконечник стрелы, кусочек мела, костяная ложечка, бронзовое полукольцо с заостренными окончаниями (браслет?) и остатки деревянного предмета с железными скрепками. Рядом с костями левой руки лежал кожаный колчан, в котором находилась 151 стрела с бронзовыми наконечниками.

Погребение в могильной яме 5 кургана 3 Кичигино I (рис. 3, 3, 4) принадлежало женщине пожилого возраста (45–55 лет). Одежда покойной (рукава и верх костюма) была расшита стеклянным бисером, руки украшены браслетами (бронзо-

³ Два погребения были сильно разрушены, определимых останков не сохранилось.

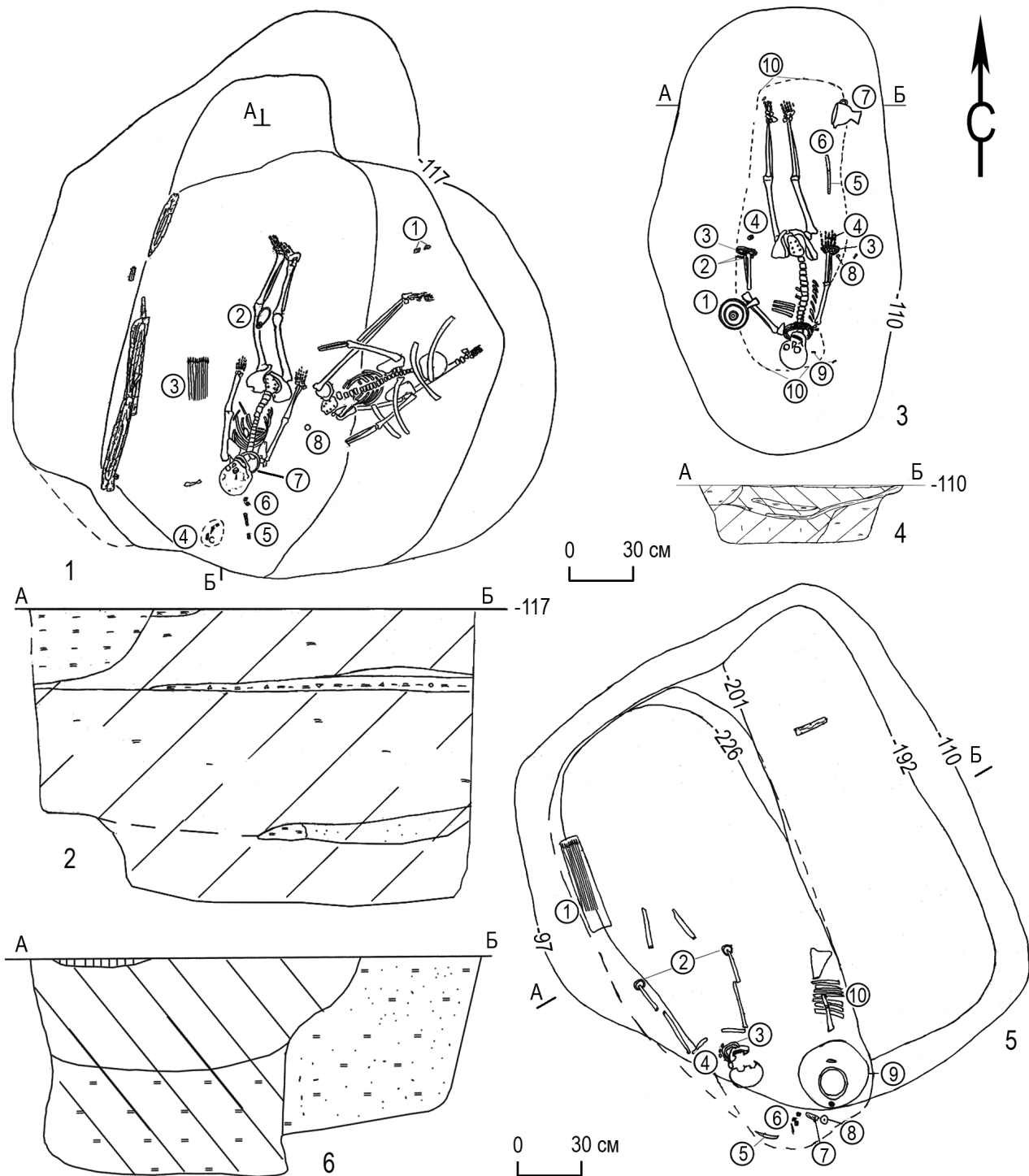

Рис. 3. Женские захоронения кургана 3 могильника Кичигино I.

Могиленные ямы 3, 4, 5. Общий план. 1-2 – могиленная яма 3 (1 – фрагменты керамики; 2 – гривна с височными кольцами; 3 – колчан со стрелами; 4 – наконечник стрелы, ложка, кусочек мела; 5 – нож; 6 – кусочек мела, изделие из дерева; 7 – гривна; 8 – браслет); 3-4 – могиленная яма 5 (1 – зеркало, зуб человека, кусочек мела; 2 – бусы; 3 – браслеты; 4 – кольца; 5 – оселок; 6 – ножи, шило, ложка; 7 – бронзовый котелок; 8 – кусочки фольги; 9 – деревянный сосуд (?); 10 – границы органического тлена); 5-6 – могиленная яма 4 (1 – колчан со стрелами; 2 – браслеты; 3 – гривна, височные подвески; 4 – бусы; 5 – зеркало; 6 – нож, шило; 7 – ложка; 8 – пряслице; 9 – сосуд; 10 – кости барана)

Fig. 3. Female burials (Kichigino I burial ground, kurgan 3).

Grave pits 3, 4 and 5. Plan. 1-2 – grave pit 3 (1 – fragments of ceramics; 2 – torque with temporal rings; 3 – quiver with arrows; 4 – arrowhead, spoon, bracelet, piece of chalk; 5 – knife; 6 – piece of chalk, woodwork; 7 – torque; 8 – bracelet); 3-4 – grave pit 5 (1 – mirror, human tooth and piece of chalk; 2 – beads; 3 – bracelets; 4 – rings; 5 – stone abrasive; 6 – knives, awl and spoon; 7 – small bronze cauldron; 8 – pieces of foil; 9 – wooden vessel (?); 10 – area of organic remains); 5-6 – grave pit 4 (1 – quiver with arrows; 2 – bracelets; 3 – torque, temporal pendants; 4 – beads; 5 – mirror; 6 – knife, awl; 7 – spoon; 8 – spindle-whorl; 9 – vessel; 10 – sheep bones)

вая основа, обернутая золотым листом) и низкими бус. На палец правой руки было надето два спиральных многовитковых кольца из золотой проволоки. Кисть левой руки отсутствовала, но на месте безымянного пальца находилось такое же кольцо, которое было надето, вероятно, на палец протеза. На шее женщины находилась гривна с зооморфными окончаниями в виде лежащих кабанов, изготовленная из бронзы и покрытая золотым листом. В районе плеча расчищено бронзовое зеркало в кожаном чехле. В остатках чехла найдены человеческий зуб и кусочек мела, а рядом – кусочек горного хрусталя. В ногах умершей стоял небольшой бронзовый котелок с носиком на коническом поддоне. Ниже кисти правой руки обнаружены каменный оселок, железные ножи и шило, а также костяная ложечка плохой сохранности.

В погребении 4 кургана 3 Кичигино I (рис. 3, 5, 6) кости скелета, несмотря на то, что он не был потревожен, оказались плохой сохранности. Инвентарь представлен украшениями и предметами вооружения. На шее умершей находилась железная гривна, обернутая серебряной фольгой и ожерелье из крупных стеклянных бусин. Две серебряные височные подвески найдены в области черепа, руки украшали бронзовые браслеты. За головой женщины (?) находились бронзовое зеркало, керамическое пряслице, костяные ложечки (?) плохой сохранности, железные ножичек (?) и шило. Слева от ног умершей был положен кожаный колчан, который содержал 122 стрелы с бронзовыми наконечниками. Ансамбль дополняли керамический сосуд, передняя нога и грудинка барана.

Интересной особенностью комплекса Кичигино является наличие двух женских (из них одно – предположительно женское) захоронений с оружием в одном кургане (Кичигино I, курган 3, погребения 3 и 4) (рис. 3). В обоих случаях оружие представлено колчанами, включавшими 122 и 151 стрелу с бронзовыми наконечниками. Колчаны располагались слева от тел, в яме 3 – рядом с кистью руки умершей, в яме 4 – в области ног. Необходимо еще раз подчеркнуть, что весь остальной инвентарь данных погребений вполне соответствовал женскому гендеру покойных – это украшения (гривны, ожерелья, височные подвески и браслеты), а также бронзовое зеркало, шило, керамическое пряслице и костяные ложечки. Размещение двух женских захоронений с оружием под одной насыпью является интересной особенностью могильника Кичигино I. Несколько таких могильных ям под одной насыпью располагаются довольно редко, подобные случаи зафиксированы лишь в могильниках Мечетсай [Смирнов, 1975] и Шумавский II [Моргунова и др., 2003].

С женским захоронением 2 в могильной яме 3 кургана 3 связан еще один любопытный факт – в процессе его сооружения разрушено мужское погребение, совершенное незадолго до этого. Еще не разложившееся тело мужчины было просто

сложено пополам и оставлено на приступке при углублении могильной ямы (рис. 3, 1). Нарушение «своих» же, то есть, сарматских погребений не является редкостью для ранних кочевников, но здесь мы видим пример уничтожения совсем недавнего захоронения. Зачем нужно было разрушать уже существующее погребение, очевидно, заметное на поверхности, если можно было выкопать новую яму? Трудно подыскать объяснение произошедшему, можно лишь предположить, что умерший принадлежал к другому роду, уже покинувшему данную территорию – следует помнить, что мы имеем дело с подвижным населением.

Женское погребение в могиле 5 кургана 3 является наиболее впечатляющим по составу и качеству погребального инвентаря (рис. 3, 3, 4). Женщина дожила до преклонных по тем временам лет – 45–55 лет на момент смерти. Интригующе непонятными выглядят человеческий зуб и кусочек мела, найденные в остатках чехла от зеркала и кусочек горного хрусталя. Примечательно также отсутствие оружия в погребении. Судя по сопровождавшим женщину золотым и бронзовым предметам, ее социальный статус был выше среднего.

Мужские погребения (рис. 4). Антропологически идентифицировано четыре мужских раннесарматских захоронения и еще одно к мужским можно отнести на основании погребального инвентаря (курганы 2, 3 и 6 могильника Кичигино I). Большинство умерших (четверо из пяти) было похоронено в могильных ямах с подбоем. Все могильные ямы индивидуальные. Представлены все основные возрастные категории – от 17–22 до 40–45 лет.

Четверо из пяти умерших сопровождалось предметами вооружения. Лишь мужчина (40–45 лет) из могильной ямы 3 кургана 3, чье погребение было разрушено при захоронении женщины, был лишен оружия. Но, поскольку погребение нарушено, нельзя быть уверенным, что ему изначально не были положены предметы вооружения, которые могли быть изъятые при вскрытии могилы.

В мужских «воинских» погребениях предметы вооружения были представлены клинковым оружием и колчанными наборами. Такое сочетание характерно для всех четырех могильных ям. Мужские воинские погребения «четко делятся на две группы — погребения с мечами (оба в кургане 3) (рис. 4) и погребения с длинными кинжалами (курганы 2 и 6)» [Таиров, 2020. С. 182]. Колчанные наборы также отличаются по составу металла наконечников стрел, что отражает различные хронологические позиции погребений и, следовательно, разные источники поступления металла [Блинов, Таиров, 2022. С. 104].

Раннесарматские «воинские» погребения могильников Кичигино I довольно однообразны с точки зрения погребального инвентаря. Помимо предметов вооружения, в могильной яме 1 кургана 3 был встречен набор конской упряжи (рис. 4, 1–4).

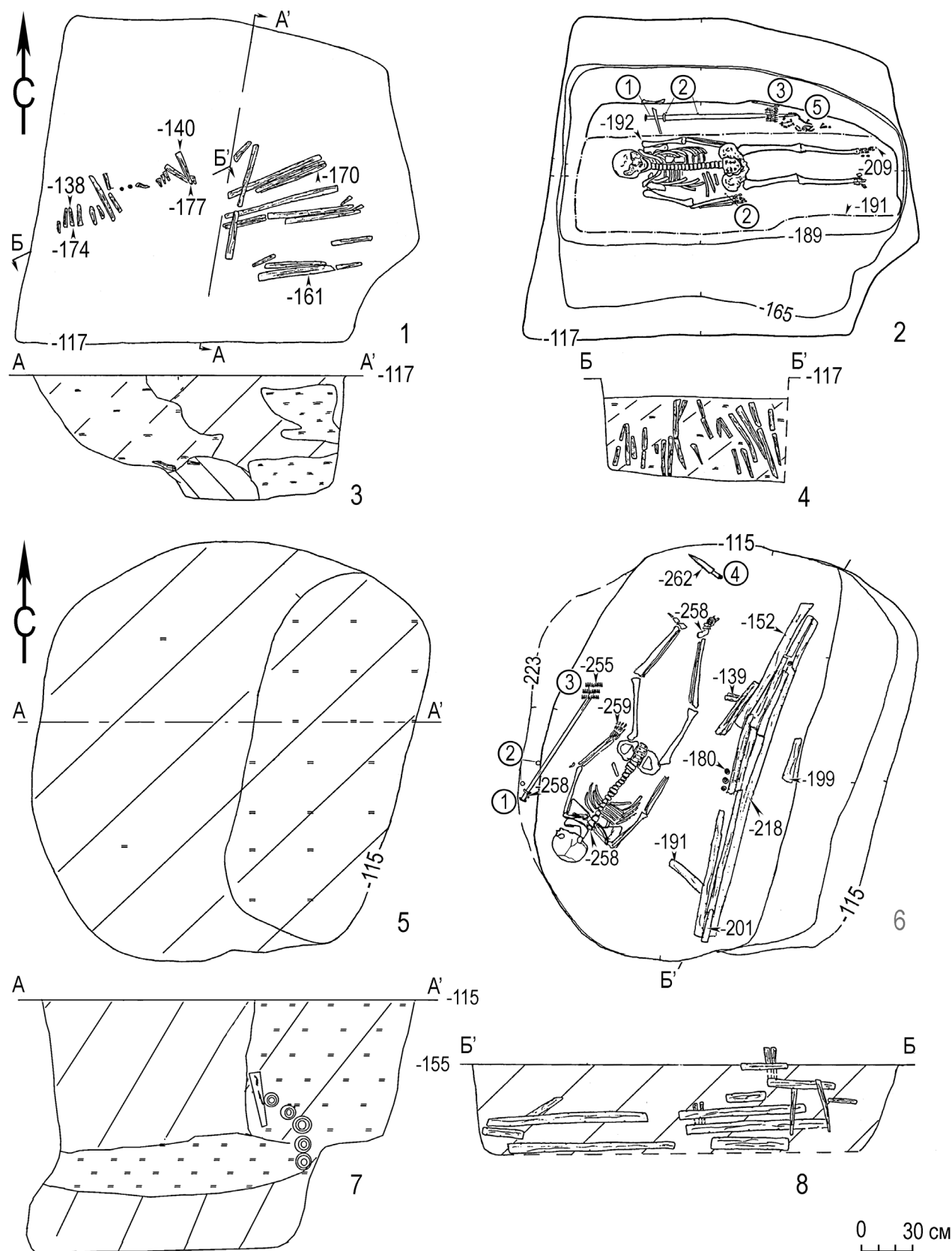

Рис. 4. Мужские воинские захоронения кургана 3 могильника Кичигино I.

Моги́льные ямы 1 и 2. Общий план. 1–4 – моги́льная яма 1 (1 – меч; 2 – бусины; 3 – наконечники стрел; 4 – нож; 5 – уздечка); 5–8 – моги́льная яма 2 (1 – меч; 2 – ворворки; 3 – наконечники стрел; 4 – наконечник копья; 5 – колчаный крюк)

Fig. 4. Male warrior burials (Kichigino I burial ground, kurgan 3).

Burial pits 1 and 2. Plan. 1–4 – grave pit 1 (1 – sword; 2 – beads; 3 – arrowheads; 4 – knife; 5 – horse harness); 5–8 – grave pit 2 (1 – sword; 2 – vorvorki; 3 – arrowheads; 4 – spearhead; 5 – quiver hook)

Два погребения в комплексе Кичигино было совершено в *подзнесарматское* время (II–IV вв. н.э.). Это впускные захоронения в курганы 5 и 6 могильника Кичигино I. Первое принадлежало женщине (25–30 лет), второе – мужчине (30–35 лет). Инвентарь скуден: представлен сосудом (женщина), железным ножом (мужчина) и костями мелкого рогатого скота.

Реконструкция отдельных элементов социальной структуры и социальных ролей

Нетрудно заметить, что самый ранний и самый поздний периоды представлены единичными погребениями. Отличия между ними, тем не менее, значительны. В раннесакский период сооружены два кургана, возведение одного из которых (курган 5, Кичигино I) было весьма трудозатратным процессом. Самые поздние (позднесарматские) захоронения являлись впускными в насыпи уже стоявших курганов и содержали скудный погребальный инвентарь. Социальный анализ захоронений этих двух периодов невозможен из-за их малочисленности. Можно отметить лишь, что одно из захоронений раннесакского времени (курган 5) было устроено, по-видимому, для какой-то значительной персоны, это элитное погребение. Второе захоронение (курган 1, Кичигино II) этого периода (женское) выглядит рядовым, его размеры и конструкции намного скромнее, нежели в кургане 5. Тем не менее, ради погребения этой женщины также был насыпан отдельный курган. Позднесарматские погребения, видимо, принадлежали рядовым кочевникам.

В погребениях савроматского периода представлены все возрастные группы, включая детей (от 2–4 до 35–45 лет). Среди взрослых удалось определить останки четырех мужчин и трех женщин. К сожалению, непотревоженных погребений этого времени сохранилось всего семь, и четыре из них – детские индивидуальные захоронения на периферии курганов 4 и 5 Кичигино I. Детские погребения характеризуются крайне скромным инвентарем или его полным отсутствием. Сохранилось лишь одно непотревоженное мужское захоронение – погребение 2 в могильной яме 1 кургана 1 могильника Кичигино II. Парное захоронение женщины (35–45 лет) и подростка (?) в кургане 5 позволяет судить о гендерно-стереотипных наборах савроматского периода: подростка сопровождало оружие (кинжал, колчан со стрелами), женщину – украшения, бронзовое зеркало, каменный жертвенник. В погребениях савроматского периода, таким образом, отражены социальные роли мужчины-воина и женщины – жены, домохозяйки и, вероятно, ритуального специалиста (отправление домашних культов?).

Серия погребений раннесарматского периода несколько более представительна благодаря большому числу непотревоженных захоронений (9 индивидов) и, соответственно, большому количеству

сохранившегося инвентаря. Возрастные группы представлены только взрослыми (до 45–55 лет). Всего идентифицировано четыре женских (от 25 до 45–55 лет) и пять мужских скелетов (от 17–22 до 45–55 лет). Две могильные ямы разрушены. Почти все мужчины (четыре индивида) были захоронены с гендерно-стереотипным инвентарем, то есть, с предметами вооружения – клинковым оружием и колчанами со стрелами [см. подробнее: Таиров, 2020] (рис. 4). Единственное мужское погребение (курган 3, яма 3, погребение 1) без предметов вооружения было нарушено при совершении несколько более позднего женского захоронения (рис. 3, 1). Женские погребения более разнообразны по сопроводительному инвентарю, несмотря на то, что украшения были обнаружены у всех индивидов. Два погребения из четырех содержали крупные колчаные наборы [см. подробнее: Berseneva, 2022], а одно включало комплекс предметов культа [Таиров, Боталов, Плешанов, 2008] (рис. 3, 3, 4).

Социальные роли мужчин. В мужских погребениях ранних кочевников, погребенных в комплексе у с. Кичигино, можно увидеть отражение лишь одной социальной роли – мужчины-воина. Раннесакский воин был сопровожден железным кинжалом, биметаллическим чеканом и колчаном со стрелами. Непотревоженное мужское захоронение савроматского времени из могильника Кичигино II сопровождалось железным кинжалом и колчаном со стрелами. В центральной погребальной конструкции кургана 4, где находились захоронения мужчин, был обнаружен колчан, а погребенный из кургана 5 (предположительно – подросток мужского пола) сопровождался кинжалом и также колчаном со стрелами. В четырех из пяти раннесарматских мужских погребений были обнаружены предметы вооружения – все они содержали колчаные наборы и клинковое оружие. Однако, кочевник позднесарматского времени был погребен лишь с ножом и мясом мелкого рогатого скота, что не вписывается в общую тенденцию, но может объясняться единичностью погребения этого времени.

Следует отметить, что в раннесарматское время подавляющее большинство мужских погребений Южного Урала сопровождалось предметами вооружения, и лишь относительно небольшая часть была погребена в сопровождении гендерно-нейтрального инвентаря (подробнее см.: [Гильмитдинова, 2021. Рис. 7]).

Социальные роли женщин в погребальных комплексах у с. Кичигино отражены более полно. Во всех захоронениях присутствуют украшения, как металлические, так и собранные из стеклянных или каменных бус, которые маркировали женский гендер умерших. В двух случаях в кургане 3 Кичигино I, как уже говорилось выше, в женских погребениях были найдены крупные колчаные

наборы (рис. 3, 1, 5). Женские захоронения с оружием составляют, по последним подсчетам, около 12 % всех известных сарматских женских погребений Уральского региона [Berseneva, 2022]. Особенностью погребений из Кичигино можно считать очень серьезное количество стрел в колчанах (122 и 151 экз.). Это, пожалуй, самые крупные колчаные наборы из раннесарматских женских погребений в Волго-Уральском регионе за исключением захоронений в одиночном кургане Яковлевка II, находящемся, также как и Кичигинские курганы, в Южном Зауралье [Berseneva, 2022. Table]. Можно, таким образом, предположить, что часть женщин могла быть тренирована в качестве лучниц, и каким-то образом принимать участие в военных действиях или рейдах.

В погребении 7 кургана 2 Кичигино I, кроме украшений, было обнаружено два сосуда и бронзовое зеркало. Можно предположить, что сочетание украшений и предметов туалета говорит о чисто женской социальной роли домохозяйки, жены (или наложницы), возможно, матери.

Погребение 5 в кургане 3 Кичигино I (пожилая женщина), вероятно, являлось захоронением ритуального специалиста (рис. 3, 3, 4). Возраст умершей, явно высокий социальный статус, набор загадочных по своему назначению предметов и даже ее состояние здоровья (болезнь позвоночника, отсутствие кисти левой руки) позволяют предположить, что эта женщина занималась отправлением каких-либо культов, не только домашних, но и для всего коллектива ранних кочевников, чьи захоронения обнаружены в курганах у с. Кичигино.

Заключение

Кочевники, совершавшие захоронения своих умерших в погребальных комплексах у с. Кичигино в Южном Зауралье, не составляли, безусловно, какой-то монолитной социальной или родственной группы.

Два кургана сооружены в раннесакское время. В кургане 5 могильника Кичигино I была похоронена какая-то персона с высоким социальным статусом, возможно, вождь или военный руководитель. В кургане 1 могильника Кичигино II женское захоронение выглядит достаточно рядовым. Видимо, раннесакские коллективы в Южном Зауралье были достаточно малочисленными и не задерживались здесь надолго. Все сказанное может быть отнесено и к впускным погребениям рядовых кочевников позднесарматского периода.

Захоронения савроматского и раннесарматского периодов более многочисленны, но все же не идут в сравнение с крупными могильниками Южного Приуралья. Тем не менее, в Кичигинских некрополях представлены различные социальные и возрастные категории, отражены социальные роли некоторых умерших. В савроматский период хорошо представлены гендерные и возраст-

ные категории, при раскопках были обнаружены детские захоронения, погребения мужчины, женщины и подростка, коллективная усыпальница в кургане 4. К сожалению, почти все погребения этого периода, за исключением одного мужского и индивидуальных детских могил, в той или иной степени потревожены. Однако, можно заключить, что дети погребались без инвентаря или с гендерно-нейтральными предметами (посуда, орудия труда, мясо мелкого рогатого скота), женщины – с украшениями и предметами культа, мужчины – с вооружением и конской уздай.

В раннесарматское время среди мужских захоронений абсолютно преобладают погребения с оружием. Мужчина в социальном смысле был, и оставался после смерти, воином. Женские социальные роли представлены в большем количестве. Всего в четырех сохранившихся женских захоронениях присутствуют погребения (1) только с украшениями, (2) с украшениями и предметами культа, (3) с украшением и предметами вооружения. Особо следует отметить женские погребения с крупными колчанными наборами из кургана 3, которые, вкупе с другими похожими погребениями Южного Урала, позволяют, как минимум, поставить вопрос об участии некоторых женщин в боевых действиях. Отсутствие детских захоронений, возможно, свидетельствует о наличии альтернативного погребального обряда для индивидов, умерших до достижения взрослого возраста, а также об их невысокой социальной позиции.

В целом, возрастные группы лучше всего представлены в захоронениях савроматского периода, а социальные роли умерших лучше отражены в раннесарматских погребениях. Тезис о высоком социальном положении женщин в коллективах ранних кочевников является общепринятым в науке, более того, именно женщины обычно рассматриваются как ритуальные специалисты – жрицы, шаманки, татуировщицы [Yablonsky, 2017]. Последнему тезису есть ряд подтверждений в материалах раскопок, но систематическое изучение подобных погребений еще предстоит выполнить. На данном этапе исследования лишь очевидно, что погребенная в могиле 5 кургана 3 Кичигино I пожилая женщина занимала высокую социальную позицию и, возможно, имела отношение к отправлению культов.

Погребальный комплекс у с. Кичигино уникален тем, что на протяжении многих столетий служил местом для погребальных ритуалов ранних кочевников Южного Зауралья. На текущий момент — это самый крупный комплекс из исследованных на данной территории. Переиспользование погребальных монументов различными группами кочевников может свидетельствовать как о признании особой сакральности этого места, так и о желании закрепить за собой землю путем захоронения своих умерших.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Берсенева Н.А. Женские погребения могильника Кичигино I в контексте особенностей погребального обряда ранних кочевников Южного Урала // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2020. № 20 (4). С. 31–36. DOI: <https://doi.org/10.14529/ssh200404>
- Блинов И.А., Таиров А.Д. Химический состав металла медных и бронзовых наконечников стрел могильника Кичигино I // Нижневолжский археологический вестник. 2022. Т. 21. № 1. С. 91–118. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.5>
- Гильмитдинова А.Х. Мужские погребения ранних кочевников Южного Урала второй половины VI—IV вв. до н.э. // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 15 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2021. С. 124–135.
- Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Турецкий М.А., Халыпин М.В., Хохлова О.С. Шумаевские курганы. Оренбург: ОГПУ, 2003. 392 с.
- Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. М.: Наука, 1975. 175 с.
- Таиров А.Д. Комплексы раннесакского времени кургана 5 могильника Кичигино I в Южном Зауралье // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. Сб. науч. ст., посвящ. памяти археолога К.А. Акишева / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. С. 300–319.
- Таиров А.Д. Мужские воинские погребения кургана 3 могильника Кичигино I // Археологическое наследие. Античность. Скифы. Сарматы. 2020. № 1 (3). С. 182–196.
- Таиров А.Д., Боталов С.Г., Плешанов М.Л. Исследования курганного могильника Кичигино в 2007 году (предварительные результаты) // Ранние кочевники Волго-Уральского региона. Материалы междунар. науч. конф. «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий». Оренбург: ОГПУ, 2008. С. 139–145.
- Таиров А.Д., Боталов С.Г. Погребение сакского времени могильника Кичигино I в Южном Зауралье // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий / Отв. ред. М.М. Герасимова, В.Ю. Малашев, М.Г. Мошкова. М.: ТАУС, 2010. С. 339–354. (МИАР. № 13)
- Berseneva N. Female Burials with Weapons in the Early Nomadic Kurgans in the Southern Urals (Late 5th to 2nd Centuries BC) // Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia. 2022. № 1 (50). С. 99–105. DOI: <https://doi.org/10.17746/1563-0110.2022.50.1.099-105>
- Loyer J., Tairov A.D., Rottier S., Courtaud P. Bioarchaeology and Burial rituals of the Iron Age Nomads from South Ural: first results of the study of the Kurgan 4 from Kichigino I cemetery (Russia) // Этнические взаимодействия на Южном Урале / Отв. ред. А.Д. Таиров, Н.О. Иванова. Челябинск: Рифей, 2013. С. 157–166.
- Yablonsky L.T. The Discovering of a Sarmatian Tattoo Toolkit in Russia. In: L. Krutak, A. Deter-Wolf (eds.) Ancient Ink. The Archaeology of Tattooing. Washington: University of Washington Press, 2017. P. 215–230.

REFERENCES

- Berseneva, N.A. 2020, "Female burials of the Kichigino I cemetery in the framework of the burial rite of the South Ural early nomads", *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, vol. 20, no. 4, pp. 31–36. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.14529/ssh200404>
- Blinov, I.A., Tairov, A.D. 2022, "Chemical Composition of Metal in Copper and Bronze Arrowheads from the Kichigino I Burial Ground", *The Lower Volga Archaeological Bulletin*, vol. 21, no. 1, pp. 91–118. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.5>
- Gilmitdinova, A.Kh. 2021, "Men's burials of early nomads of the Southern Urals of the second half of VI–IV centuries BC", *Arheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya* ("Archaeological sites of Orenburg region"), iss. 10, pp. 124–135. (In Russ.)
- Morgunova, N.L., Goleva, A.A., Kraeva, L.A., Meshcheryakov, D.V., Turk, M.A., Khalyapin, M.V., Khokhlova, O.S. 2003, *Shumayevsky Mounds*. OGPU, Orenburg, 392 p. (In Russ.)
- Smirnov, K.F. 1975, *Sarmatians in the Ilek region*. Nauka, Moscow, 175 p. (In Russ.)
- Tairov, A.D. 2015, "The early Saka complex in the kurgan 5 Kichigino I cemetery (South Trans-Urals)", *Sakskaya kul'tura Saryarki v kontekste izucheniya etnosociokul'turnykh processov stepnoj Evrazii. Sbornik nauchnykh statej, posvyashchennyj pamyati arheologa K.A. Akisheva* ("Sak culture of Saryarka in the context of the study of ethnic and sociocultural processes of Steppe Eurasia. The collection of scientific articles, dedicated to the memory archaeologist Kemal Akishev"), HARC "Begazy-Tasmola", Almaty, pp. 300–319. (In Russ.)
- Tairov, A.D. 2020, "Male warriors' burials from the kurgan 3 of necropolis Kichigino I", *Arheologicheskoe nasledie. Antichnost. Skify. Sarmaty* ("Archaeological Heritage. Antiquity. Scythians. Sarmatians"), no. 1 (3), pp. 182–196. (In Russ.)
- Tairov, A.D., Botalov, S.G., Pleshanov, M.L. 2008, "Studies of Kichigino Burial Mound in 2007 (Preliminary Findings)", *Rannie kochevniki Volgo-Uralskogo regiona. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Rannie kochevniki Yuzhnogo Priuralya v svete noveyshikh arheologicheskikh otkrytiy»* ("Early Nomads of the Volga-Ural Region. Materials of the International Scientific Conference "Early Nomads of the Southern Urals in the Light of the Latest Archaeological Discoveries"), OGPU, Orenburg, pp. 139–145. (In Russ.)
- Tairov, A.D., Botalov, S.G. 2010, "Burial of the Saka Time of Kichigino I Burial Ground in the South-

ern Trans-Urals”, *Akrheologiya i paleoantropologiya Evraziyskikh stepey i sopredelnykh territoriy* (“Archeology and Paleoanthropology of the Eurasian Steppes and Adjacent Territories”), TAUS, Moscow, pp. 339–354. (In Russ.)

Berseneva, N. 2022, “Female Burials with Weapons in the Early Nomadic Kurgans in the Southern Urals (Late 5th to 2nd Centuries BC)”, *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, no.1 (50), pp. 99–105. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17746/1563-0110.2022.50.1.099-105>

Loyer, J., Tairov, A.D., Rottier, S., Courtaud, P. 2013, “Bioarchaeology and Burial rituals of the Iron Age Nomads from South Ural: first results of the study of the Kurgan 4 from Kichigino I cemetery (Russia)”, *Etnicheskie vzaimodejstviya na Yuzhnom Urale* (“Ethnic interactions in the Southern Urals”), Rifei, Chelyabinsk, pp. 157–166. (In Russ.)

Yablonsky, L.T. 2017, “The Discovering of a Sarmatian Tattoo Toolkit in Russia”, *Ancient Ink. The Archaeology of Tattooing*, University of Washington Press, Washington, pp. 215–230.

Сведения об авторах

Наталья Александровна Берсенева, доктор исторических наук, Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург; Южно-Уральский государственный университет, Российская Федерация, г. Челябинск. E-mail: bersnatasha@mail.ru, ORCID: 0000-0003-2554-6205

Александр Дмитриевич Таиров, доктор исторических наук, Научно-образовательный центр евразийских исследований, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Российская Федерация, г. Челябинск. E-mail: sarmat-2007@mail.ru, ORCID: 0000-0001-8575-0430

Information About the Authors

Natalia A. Berseneva, Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the RAS, Ekaterinburg; South Ural State University, Russian Federation, Chelyabinsk. E-mail: bersnatasha@mail.ru, ORCID: 0000-0003-2554-6205

Aleksandr D. Tairov, Doctor of Historical Sciences, Scientific and Educational Center Eurasian Studies, South Ural State University (national research university), Russian Federation, Chelyabinsk. E-mail: sarmat-2007@mail.ru, ORCID: 0000-0001-8575-0430